

РЕТРОСПЕКТИВА МИГРАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ РЕГИОНА-ДОНОРА

КОНСТАНТИН ЧЕРНЫШЕВ

Данная работа оценивает миграционные связи региона-донора за максимально возможный отрезок времени (1946–2018 гг.) на примере Кировской области – одном из наиболее крупных миграционных доноров в России. Из всех источников данных о территориальной структуре внутренней межрегиональной и международной безвозвратной миграции в России только формы текущего учёта миграции, отражающие передвижение населения по территориям прибытия и выбытия, охватывают изучаемый период полностью. Изменение границ регионов, в разрезе которых осуществлялся учёт прибытий и выбытий, стало существенным ограничением для осуществления ретроспективного анализа миграции. Миграционные связи региона-донора рассматриваются в обмене с 60 укрупнёнными регионами на территории России, границы которых в основном соответствуют границам современных субъектов РФ, и 14 пространствами в ближнем зарубежье. Многократный пересмотр порядка регистрации мигрантов сделал несопоставимыми во времени данные о числе переселений. В результате для ретроспективного анализа межтерриториальных миграционных связей региона-донора приходится прибегать к расчёту коэффициентов результативности миграционного обмена и коэффициентов интенсивности миграционных связей. Это позволяет оценить для каждого периода интенсивность и результативность миграционных связей Кировской области с регионами России и странами бывшего СССР. Наиболее интенсивно жители Кировской области переселялись в соседние республики Коми и Марий Эл, а также в Мурманскую, Свердловскую, Тюменскую, Калининградскую области и на Камчатку. Наименее результативным для региона-донора был обмен с московским и петербургским регионами, Краснодарским краем и Крымом.

Ключевые слова: регион-миграционный донор, текущий учёт миграции, интенсивность миграционных связей, миграционный отток, Кировская область.

ВВЕДЕНИЕ

Под регионом – миграционным «донором» понимается часть территории страны, в течение длительного времени выступающая в качестве поставщика населения для других частей страны, мира. В научной литературе по умолчанию главным признаком такого региона считается наличие отрицательного сальдо миграции, а для региона-реципиента – соответственно, положительного. Более конкретное отнесение территории к категории миграционного донора или реципиента возможно либо путём сравнения размеров противоположных миграционных потоков населения региона в обмене с другими территориями, либо через сопоставление контингентов уроженцев данной местности в населении других регионов (в случае включения в программу переписи населения вопроса о месте рождения).

Константин Анатольевич Чернышев (kochern@rambler.ru), Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия.

Основные положения данного исследования были представлены на XXI Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ в 2020 г.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2020 г.

Идентификация регионов доноров и реципиентов может осуществляться в разрезе различных территориальных единиц и с использованием разных источников информации. Так, Д.Д. Москвин (1991), анализируя по данным текущего миграционного учёта межрайонные миграционные потоки советского периода, разделял экономические районы страны на «питающие» и «принимающие» население. Н.В. Мкртчян (2003), анализируя внутрироссийскую миграцию за 1991–2000 гг. в разрезе федеральных округов, использовал термины регионы-доноры и регионы-получатели. Также основываясь на данных текущего учёта межрегиональной миграции за постсоветский период, О.Л. Рыбаковский и В.С. Судоплатова (2015) классифицировали субъекты РФ на доноров и реципиентов с выделением группы «основных доноров», теряющих население в обмене с большинством прочих регионов страны. В отличие от названных исследователей, С.И. Абылкаликов (2018) использовал данные переписей населения. Он предлагал считать «донорами» такие регионы, в которых доля уехавших в 1,1 и более раза больше, чем приехавших, и отмечал, что регионы-доноры, являясь «поставщиками» населения, также активно, но в меньших объёмах, принимают мигрантов.

Выявление регионов – миграционных доноров и реципиентов должно осуществляться с учётом ряда обстоятельств. Во-первых, при рассмотрении миграционных процессов в длительной ретроспективе статус территории в качестве донора или реципиента в отдельные периоды может изменяться. На непродолжительный период территория-донор может становиться реципиентом или наоборот. Во-вторых, сальдо различных миграционных потоков (международного и межрегионального) может иметь разное значение. Отрицательное сальдо межрегиональной миграции может полностью или частично компенсироваться положительным балансом международной миграции. Конкретный регион в результате взаимодействия с одними частями своей страны или зарубежными государствами может выступать в качестве миграционного донора, а с другими – в качестве реципиента.

В данной работе основное внимание направлено на анализ миграционных связей Кировской области, поскольку этот регион с момента своего образования выступал в качестве ярко выраженного миграционного донора для других территорий СССР и России. Непродолжительные периоды, в течение которых в Кировской области отмечался миграционный прирост, были связаны с экстремальными событиями (Великая Отечественная война, распад СССР и переход к рыночной экономике). Полноценное рассмотрение миграционных связей со всеми регионам России и бывшего СССР в ретроспективном аспекте возможно за период после окончания Великой Отечественной войны по настоящее время.

Изучение миграционных связей региона за столь длительный промежуток времени связано с рядом трудностей методического характера, в частности отсутствием надёжных и общепризнанных источников информации, а также многократным изменением границ территорий, с которыми осуществляется миграционное взаимодействие. Это делает необходимым использование инструментов, отражающих тесноту межтерриториальных миграционных связей за длительный отрезок времени. Ещё одной проблемой, связанной с качеством информационной базы, является возможность периодизации миграции населения региона-донора. Исходя из особенностей организации текущего учёта миграции,

а также этапов исторического развития СССР и России, анализируемый в данной работе период изучения можно также разделить на четыре части: 1946–1959 гг., 1960–1991 гг., 1992–2010 гг. и 2011–2018 гг.

ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ И ИНСТРУМЕНТЫ РЕТРОСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА МИГРАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ

Главными источниками данных о миграции населения в XX веке являлись данные текущего учета и переписей населения (включая микропереписи). Первый источник характеризует миграционные потоки (число совершенных переездов), а второй – миграционные контингенты (число лиц, имеющих опыт миграции).

Исследования миграции, где основным источником информации являются данные переписей населения, традиционно проводились зарубежными учёными (Bell et al. 2015; Rees et al. 2016). В странах, где существуют регистры населения, их данные также используются в миграционных исследованиях (Andersson, Drefahl 2017). В настоящее время применение данных переписей населения как источника информации при изучении передвижения населения за межпереписные периоды получило большее распространение в России (Воробьева и др. 2016; Mkrtchyan 2011), в том числе в исследованиях переселений в разрезе отдельных возрастных групп – молодёжи, пожилых (Karachurina, Ivanova 2019; Kashnitsky, Mkrtchyan, Leshukov 2017; Mkrtchyan, Vakulenko 2019). Сопоставление данных о месте рождения с местом проживания на дату переписи даёт богатый материал для изучения перемещений населения регионов и позволяет оценить направления миграции, пропуская все промежуточные переезды. В англоязычной, а затем и в российской литературе для обозначения людей, родившиеся в одном месте, но на момент переписи проживающих в другом, используется термин «lifetime migrants» – пожизненные мигранты (Poston, Bouvier 2016; Абылкаликов 2016). Однако вопрос о месте рождения в рассматриваемый период содержался только в программах переписей 1989 г. и последующих. В связи с этим источником информации, полностью охватывающим весь период с 1946 г., является текущий учёт миграционных потоков. Россия, а ранее Советский Союз, относятся к числу стран, где существуют требования к смене регистрации при перемещении из одного места в другое (например, это также Китай, Скандинавские страны), но в большинстве стран такие требования отсутствуют (Poston, Bouvier 2016). Определить объёмы миграционных потоков в годы Великой Отечественной войны затруднительно в силу неустойчивости территориального деления СССР (оккупация части территории, многочисленные административно-территориальные преобразования), а также сложностей с оценкой численности населения отдельных территорий.

Миграционная статистика советского периода основной упор делала на текущем учёте потоков, который являлся «вторичным продуктом» паспортной системы и института прописки (Чудиновских 2004). Данные текущего учёта о миграции в регионах находят отражение в нескольких формах Росстата и его предшественников (Центрального статистического управления, Госкомстата), отражающих передвижение населения по территориям прибытия и выбытия: до 1951 г. – форма №1 «Сведения о передвижении населения по месту, откуда прибыли и куда выбыли», с 1952 по 1987 г. – форма №1

«Передвижение населения», с 1988 по 1996 г. – форма М01 «Миграция населения», а с 1997 г. – форма МТ2 «Распределение мигрантов по территориям прибытия и выбытия».

До 1960 г. отчётные формы содержали сведения только по городской местности. В результате наиболее сложный период в эволюции миграции, характеризующийся беспрецедентными масштабами движения населения, не имеет адекватных источников данных (Моисеенко 1997). Начиная с 1960 г. жители непаспортизированной сельской местности при выезде в другие территории СССР за пределы своего района стали обязаны получать паспорта. Сплошная выдача паспортов сельским жителям стала возможна лишь после постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР №677 «О мерах по дальнейшему совершенствованию паспортной системы в СССР» от 28 августа 1974 г. Паспортизация районов по сельской местности была полностью закончена лишь к 31 декабря 1981 г.¹

В постсоветский период данные текущего учета стали менее чётко отражать объёмы миграционных потоков, что объясняется как их увеличением, так и ослаблением режима прописки (регистрации) в результате демократических преобразований. Несмотря на фактическое изменение статуса миграционного обмена со странами нового зарубежья с внутренних на международные, в статистических формах обмен со всеми этими государствами вплоть до 1997 г. учитывали как межреспубликанский, а не «за границу (из-за границы)». На целостность информационной базы указывает В.М. Моисеенко (2002): источники данных о внутренней миграции в постсоветский период неотделимы от источников данных о внешней миграции, в первую очередь со странами бывшего СССР. С конца 1995 г. все мигранты стали подразделяться на регистрируемых по месту жительства и месту пребывания (последние долгое время не учитывались в формах отчётности).

С 2011 г. методология вновь изменилась: в текущий миграционный учёт помимо мигрантов, зарегистрированных по месту жительства, стали включаться лица, зарегистрированные по месту пребывания на срок 9 месяцев и более, а также граждане, мигрирующие из одного сельского населённого пункта в другой, в том числе в пределах одного сельского поселения. Это привело к увеличению регистрируемых объёмов миграции. В число выбывших стали попадать мигранты, у которых истек период временной регистрации (9 месяцев и более), часть из которых в действительности никуда не уезжает.

К недостаткам текущего учёта, затрудняющим или делающим невозможным определение реальных объёмов миграционных перемещений за длительный период времени, относятся неполнота учёта или двойной счёт перемещений населения (даже для безвозвратной миграции), а также заметные колебания регистрируемых объёмов миграции, обусловленные не столько изменением потока переселенцев, сколько многократным пересмотром порядка регистрации мигрантов (Чудиновских 2004).

На основе данных текущего учёта двусторонние миграционные взаимодействия региона-донора с каждой территорией могут характеризоваться через показатели числа

¹ ЦГАКО Ф.2344. О.64. Д.1288. Л.173. Письмо начальника РВЦ ЦСУ РСФСР Гулидова А.Д. от 30.09.82 №47-38/47.

прибывших, числа выбывших, миграционного сальдо и оборота, выраженных как в абсолютном значении, так и в относительном (например, на тыс. жителей). Однако объёмы перемещений населения не в полной мере отражают реальное миграционное взаимодействие территорий, поскольку во многом определяются их численностью населения.

Указанные недостатки текущего учёта делают малополезным сопоставление во времени данных по объёму и интенсивности миграции (Рыбаковский, Судоплатова 2015; Кашницкий 2017). Это определяет необходимость подбора дополнительных инструментов, адекватно отражающих тесноту межтерриториальных миграционных связей в длительной ретроспективе. С нашей точки зрения инструментами, позволяющим оценить двусторонние миграционные взаимодействия региона-донора и каждого из регионов, с которым осуществляется взаимодействие, могут являться расчёт коэффициентов результативности миграционных связей (КРМС) и коэффициентов интенсивности миграционных связей (КИМС).

КРМС представляет собой отношение количества выбытий из региона на 1 тыс. прибытий в регион и широко применяется при характеристике парных миграций (формула 1). В отличие от него КИМС, предложенный Л.Л. Рыбаковским в конце 1960-х–начале 1970-х годов, редко применяется в исследованиях миграций. Для вычисления КИМС по прибытию или по выбытию предлагается использовать данные по количеству мигрантов за определенный период (Л.Л. Рыбаковский предлагал 3–5 лет), а также по среднегодовой численности постоянного населения регионов (Рыбаковский 1973). Коэффициент рассчитывается как отношение доли прибывших в данный регион в общем потоке прибытий (или выбывших из данного региона в общем потоке выбывших) к доле численности населения регионов выхода в общей численности населения территорий, поддерживающих с ним миграционные связи (формула 1). С нашей точки зрения, если предметом основного рассмотрения является территория – миграционный донор, то предпочтителен анализ тесноты связей по индексам выбытий (формула 2). Недостатком применения КИМС по выбытию является заметное завышение значений для активно принимающих мигрантов малонаселённых территорий.

$$\text{КРМС}_{ij} = \frac{V_{ij}}{S_{ij}} \quad (1)$$

$$\text{КИМС}_{\text{выб. } ij} = \frac{V_{ij}}{\sum V_{ij}} : \frac{P_j}{\sum P_j} \quad (2)$$

где КРМС_{ij} – коэффициент результативности миграционного обмена региона-донора i и региона j ; $\text{КИМС}_{\text{выб. } ij}$ – коэффициент интенсивности миграционных связей (по выбытию); V_{ij} – число выбывших из региона-донора i в регион вселения j ; S_{ij} – число прибывших в регион-донор i из региона выхода j ; P_j – средняя численность населения региона вселения j за период.

Расчет КИМС позволяет сопоставить интенсивность обмена между регионами в относительных показателях, нивелируя существующие различия в численности населения взаимодействующих регионов и абсолютных объемах регистрируемых миграционных потоков.

Исследования, где осуществлялись расчёты КИМС между парами регионов по большому массиву-матрице осуществлялись в разное время Л.Л. Рыбаковским (1973), С.В. Рязанцевым (2005), Н.В. Мкртчяном (1997), Л.Б. Карачуриной (1999), Н.В. Тарасовой (2004), А.У. Хомрой (1979), а для взаимодействия одного-двух регионов с другими территориями Н.В. Воробьёвым (2001), А.В. Лялиной (Lyalina 2015), Т.Н. Успенской (2007), К.А. Чернышевым (2017) и другими (таблица 1).

Таблица 1. Применение КИМС в исследованиях миграции

Исследователь	Год публикации	Размер матрицы	Вид коэффициента	Период исследования
Рыбаковский Л.Л.	1973	72x72	прибытие	1966–1969 гг.
Мкртчян Н.В.	1997	73x155	прибытие, выбытие	1989–1994 гг.
		73x14	прибытие, выбытие	1969, 1977, 1989, 1994 и 1997 г.
Карачурина Л.Б.	1999	73x33	прибытие, выбытие	1969, 1977, 1989, 1994 и 1997 г.
		1x14	прибытие, выбытие	1971, 1972... 1997 г. (отдельно за каждый год)
Воробьев Н.В.	2001	1x79	оборот	1993–1996 гг.
Рязанцев С.В.	2005	89x89	прибытие	1997–2001 гг.
Баранов А.Н.	2006	3x78	прибытие, выбытие	1997–2002 гг.
Рудник В.В.	2006	7x70	прибытие, выбытие	не указано
Успенская Т.Н.	2007	2x102	прибытие, выбытие	1998–2003 гг.
Лялина А.В.	2015	1x97	прибытие, выбытие	1992–2013 гг.
Лазаренко В.А.	2016	83x14	прибытие	1992–2010 гг.
Чернышев К.А.	2017	10x11	прибытие, выбытие	2004–2015 гг.

Л.Л. Рыбаковский предложил распределять совокупность показателей КИМС на 5 групп: миграционные связи незначительны при значении коэффициента до 0,39 включительно; заметные значения – от 0,4 до 0,79; средние значения – от 0,8 до 1,25; повышенные значения – от 1,26 до 2,50; высокие – от 2,51 и выше (Рыбаковский 1973). Н.В. Мкртчян (1997) использовал иное распределение значений КИМС: от 1,00 до 1,99 для миграционных связей повышенной интенсивности и более 2,00 для высокоинтенсивных связей.

Таким образом, с учётом описанных трудностей текущего учёта в отражении реального объёма выбытий наиболее рациональным для изучения миграционного взаимодействия региона-донора с другими территориями является расчёт коэффициентов интенсивности и результативности миграционных связей. Мы исходим из того, что изменения методологии учёта миграции касались всех регионов страны, по этой причине корректно использовать данные текущего учёта для сравнения и выявления результативности и интенсивности межрегиональных связей в целом за длительный период времени.

Методической проблемой осуществления ретроспективного анализа миграции стали многократные изменения границ территорий, в разрезе которых осуществляется учёт

прибытий и выбытий. В некоторых случаях разделение миграционных потоков между смежными территориями проблематично, поскольку регионы были образованы или восстановлены в течение анализируемого периода, имела место передача крупных частей соседям. Разделение нецелесообразно и для Санкт-Петербурга (Ленинграда) с Ленинградской областью, сложносоставных регионов.

В исследовательских целях для обеспечения сопоставимости данных за длительный период времени практикуется объединение смежных территорий в более крупные «миграционные пространства» (Рыбаковский 2008), «укрупнённые районы» (Абылкаликов 2018), «аналитические единицы» (Sander 2014). В результате проведённой в нашем исследовании регионализации постсоветское пространство было разделено на 75 территориальных единиц: 14 республик бывшего СССР, а также 61 территориальная единица в пределах России (в том числе Кировская область), рубежи которых в основном соответствуют границам современных субъектов РФ.

Были укрупнены в единые миграционные пространства: столичные регионы; группа южных субъектов РФ (Астраханская область, Ставропольский край, Дагестан, Калмыкия, Северная Осетия, Чеченская, Ингушская, Карачаево-Черкесская Республики); ряд областей Центральной России (Белгородская, Курская, Воронежская, Липецкая, Рязанская, Орловская области); Хабаровский край (с Еврейской автономной областью, Магаданской областью и Чукоткой); иные регионы, в составе которых имелись или имеются в настоящее время автономии. Миграционный поток в области, разделённые между соседними регионами в конце 1950-х годов (Великолукская, Балашовская, Каменская области), был распределён пропорционально численности населения включённых территорий в 1959 г. Регионы Крыма рассматривались как отдельное миграционное пространство за исключением периода 1997–2014 гг., когда поток в них учитывался в составе миграции на Украину. В процессе регионализации также не учитывались передачи одного-двух районов в состав соседнего региона.

МИГРАЦИОННЫЕ СВЯЗИ РЕГИОНА-ДОНОРА В РАЗЛИЧНЫЕ ПЕРИОДЫ

Исходя из описанных особенностей организации текущего учёта миграции, а также этапов исторического развития СССР и России, анализируемый в данной работе период изучения миграционных связей Кировской области как региона-донора следует разделить на 4 части: 1946–1959 гг., 1960–1991 гг. и 1992–2010 и 2011–2018 гг. (рисунок 1). Для расчётов КИМС за данные периоды использовали ориентировочные расчёты о численности населения Центрального статистического управления Госплана СССР на 1 января 1946 г. (для Калининградской области – на 1 января 1947 г.)², итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. (Демоскоп Weekly 2020а), данные о численности населения Федеральной службы государственной статистики (Росстат 2020) и национальных статистических ведомств стран бывшего СССР (Демоскоп Weekly 2020с).

² РГАЭ Ф.Р-1562. Оп.20. Д.626 Л.1; РГАЭ Ф.1562. Оп.329. Д.2640. Л.43–47.

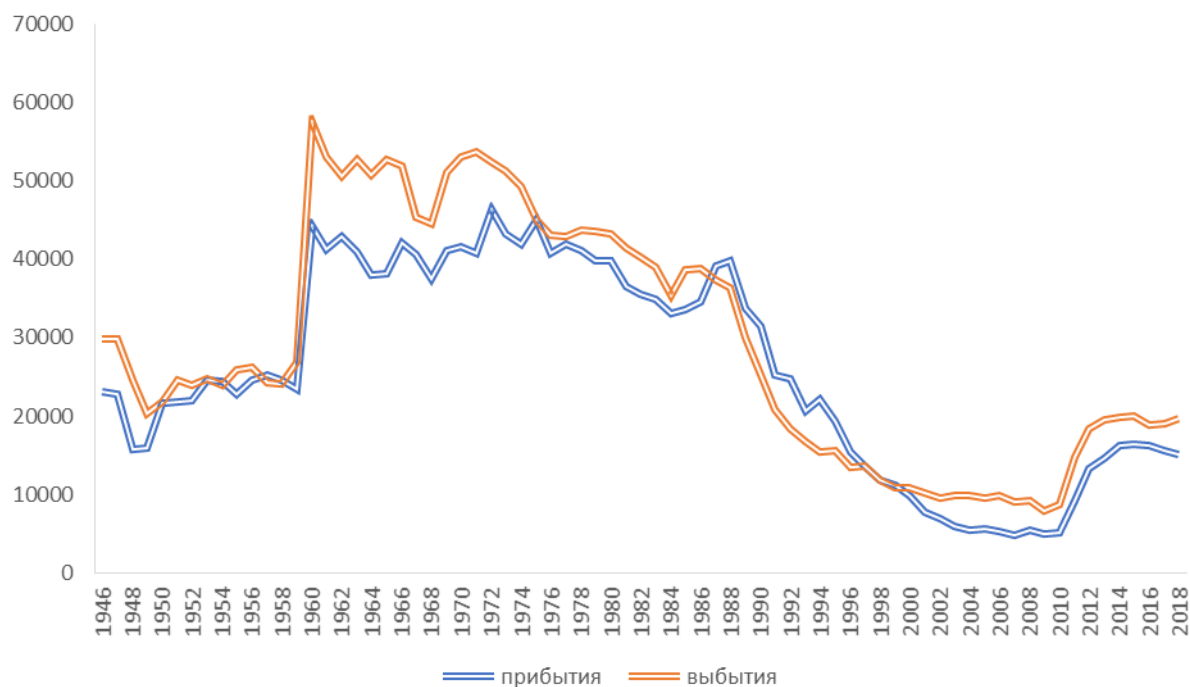

Рисунок 1. Миграционный обмен Кировской области с регионами России и странами бывшего СССР, чел.

Источник: Расчёты автора по данным текущего учёта миграции.

Первый выделяемый нами период с 1946 по 1959 г. в экономическом отношении характеризовался решением задач восстановления и развития разрушенного боевыми действиями народного хозяйства в пострадавших от войны регионах СССР, а в миграционном отношении – усилением подвижности населения. Обезлюдившие территории нуждались в восполнении потерь после тяжёлой и продолжительной войны. Кировская область в годы Великой Отечественной войны была тыловым регионом и, несмотря на прямые потери более 250 тыс. человек (Чернышева 2012), сохранила значительную часть своего демографического потенциала, в связи с чем продолжала рассматриваться как поставщик трудовых ресурсов для ускоренной индустриализации и развития народного хозяйства в других регионах страны.

В первые послевоенные годы из Кировской области возвращались эвакуированные предприятия, объекты социальной сферы, трудовые коллективы, беженцы. Происходила демобилизация военных, призванных из Кировской области. С западной Украины и Прибалтики осуществлялись депортации «антисоветских элементов» и членов их семей, часть которых была переселена в Кировскую область (Полян 2001). Новыми направлениями массовых переселений из Кировской области стали присоединённые к СССР территории, в первую очередь современные Калининградская и Сахалинская области. Миграционные процессы в данных регионах в первые послевоенные годы имели форму замещающей миграции: выселение оставшегося немецкого и японского населения с заменой его на советских граждан. Переселенцы из Кировской области составили значительную часть первых советских жителей бывшей Восточной Пруссии и Южного

Сахалина (Чернышева 2017). Переселение шло также в Грозненскую, Ленинградскую области и другие регионы.

В формировании миграционных потоков из Кировской области, как и по всей стране, в послевоенный период определяющую роль играли организованные переселения, осуществлявшихся как в городскую, так и в сельскую местность. Главные формы плановой миграции: сельскохозяйственные переселения, организованный набор рабочей силы на предприятия и стройки, набор в систему государственных трудовых резервов. Существовали государственные программы переселения жителей с территорий, где с точки зрения властей был избыток трудоспособного населения, в новые места. С другой стороны, сказывались тяжелые последствия недавней войны. Хозяйство Кировской области было ослаблено, а материальный достаток сельского населения был очень низким. К началу 1950-х годов вывоз трудоспособного населения из Кировской области начал негативно влиять на народное хозяйство региона-донора, вызывая беспокойство у областного руководства (Чернышева 2017).

В послевоенные годы считалось, что «миграция населения при социализме носит преимущественно или даже исключительно плановый характер» (Переведенцев 1975: 48), однако в реальности имело место и самостоятельное переселение. Нерегулируемая государством стихийная миграция по своим масштабам была не сопоставима с легальными, организованными её формами (Население России... 2001). Единственным систематическим источником информации обо всех видах переселений из Кировской области в другие части СССР в 1946–1959 гг. являлась форма №1, утверждённая Центральным статистическим управлением при Совете Министров СССР «Сведения о передвижении населения по месту, откуда прибыли и куда выбыли», которая заполнялась областным управлением статистики. В данную форму до 1960 г. вносили сведения только для городских населённых пунктов, поэтому очевидно, что реальные потоки мигрантов были значительно больше учтённых. Не имевшее паспортов сельское население как Кировской области, так и других регионов страны, было ограничено в свободе передвижения.

В целом период 1946–1959 гг. характеризуется активным выбытием населения из Кировской области в другие части СССР. Наибольшее отрицательное сальдо миграции зафиксировано в обмене со Свердловской областью, а также Московским, Ленинградским регионами, Пермской областью и Казахстаном. Наибольший миграционный прирост сложился во взаимодействии с Татарской и Удмуртской АССР. Кроме того, положительный баланс миграционных связей был характерен также для обмена с соседними областями – Нижегородской, Костромской, Вологодской, регионами Дальнего Востока, Закавказья, Таджикской ССР и некоторыми другими территориями. Наиболее высокие значения КРМС и отражающие наименее выгодный для Кировской области миграционный обмен были характерны для взаимодействия с Оренбургской областью, а также присоединённой к СССР Калининградской областью, столичными регионами и Казахской ССР. Максимальные значения КИМС по выбытию были отмечены в обмене с удалёнными, но малолюдными регионами, куда активно переселялись кировчане (Камчатская, Мурманская, Калининградская области), а также соседними территориями (таблица 2, рисунок 2). Однако обмен населением с большинством регионов-соседей имел высокую интенсивность

не только по выбытию, но и по прибытию, что определило положительное для Кировской области сальдо миграции городского населения с большинством соседних территорий.

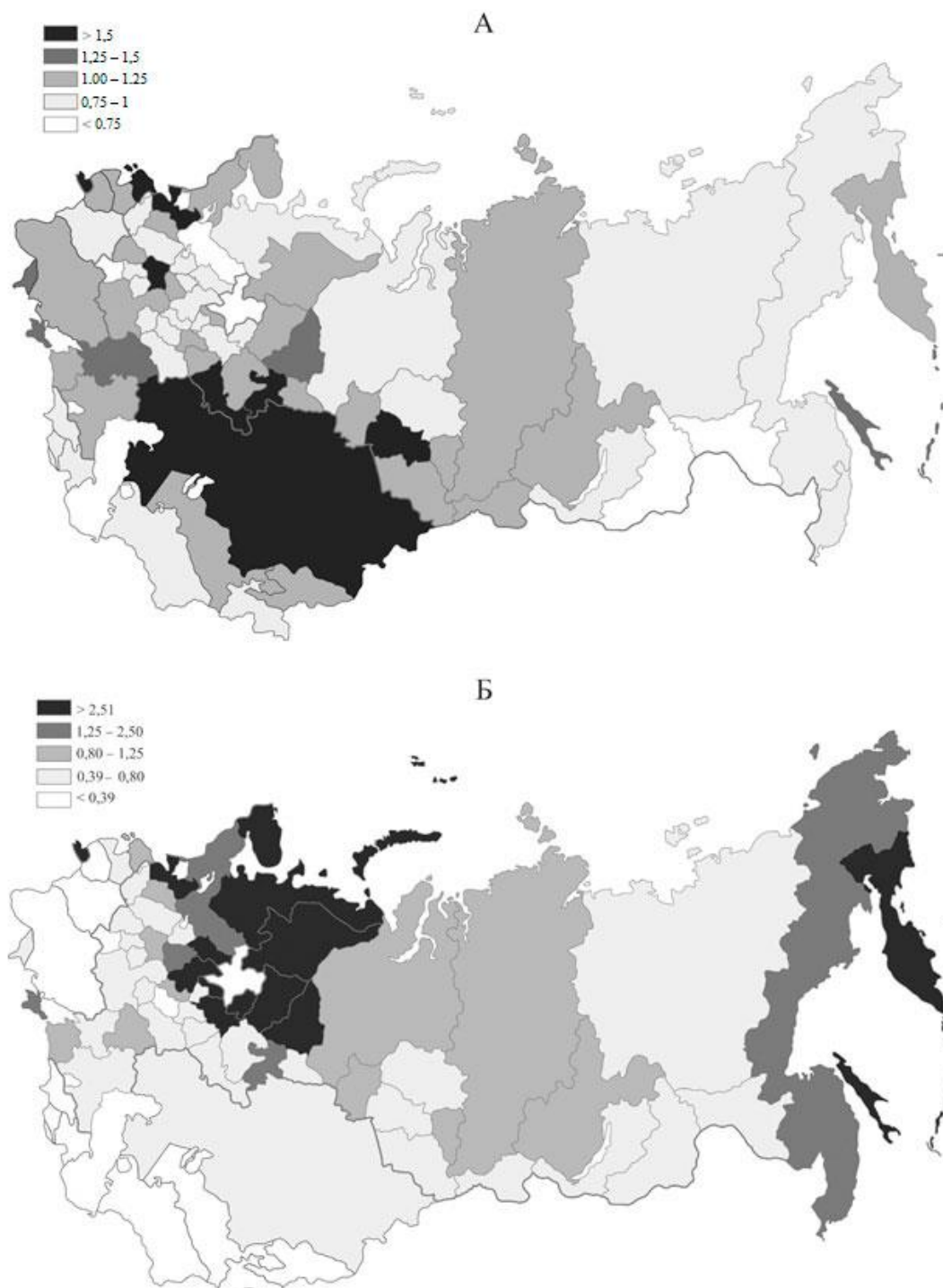

Рисунок 2. Коэффициенты результативности миграционного обмена (А) и интенсивности миграционных связей по выбытию из Кировской области (Б), 1946–1959

Источник: Расчёты автора по данным текущего учёта миграции.

Период 1960–1991 гг. характеризуется наиболее качественной информационной базой миграционной статистики, поскольку жители сельской местности, проживавшие без

паспортов, при выезде в другие регионы стали получать паспорта, что в условиях существовавшей системы прописки позволило собирать данные о миграции не только городского, но и сельского населения. Это нашло отражение в ежегодно составляемой форме №1 «Передвижение населения». В 1960–1970-е годы Кировская область по-прежнему рассматривалась центральными властями как трудоизбыточный регион, поставщик рабочей силы в другие районы страны.

Таблица 2. Миграционные связи населения Кировской области с отдельными регионами СССР, 1946–1959

	Прибыло в Кировскую область из региона, чел.	Выбыло в регион из Кировской области, чел.	Сальдо миграции, чел.	КРМС	КИМС <i>выб.</i>
Камчатская область	2052	2355	-303	1,148	7,34
Коми АССР	7525	7749	-224	1,030	7,18
Мурманская область	4120	4718	-598	1,145	6,51
Калининградская область	3011	5309	-2298	1,763	5,93
Пермская (Молотовская) область	22995	27720	-4725	1,205	5,64
Марийская АССР	5417	5891	-474	1,088	5,42
Удмуртская АССР	14921	11996	2925	0,804	5,16
Свердловская область	22056	32917	-10861	1,492	4,95
Татарская АССР	21610	16852	4758	0,780	3,22
Оренбургская (Чкаловская) область	1162	2271	-1109	1,954	0,67
Амурская область	1201	663	538	0,552	0,58
Всего	312595	350899	-38304	1,123	...

Примечание: Миграционные пространства ранжированы по значению КИМС выб.

Источник: Расчёты автора по данным текущего учёта миграции.

В формировании миграционного потока в 1960–1980-е гг. из Кировской области произошло снижение роли организованных форм миграций. Основу миграционных потоков по-прежнему составляла сельская молодёжь, безвозвратно покидавшая регион-донор, что сделало необратимым вымирание деревни. Среднегодовой объём зарегистрированных переселений достигал в этот период наибольших значений: число выбывших по данным миграционного учёта из Кировской области в другие части СССР за 1960–1991 гг. было в 3,2 раза выше, чем в постсоветский период и в 1,8 раза выше, чем в послевоенный, когда охват переселенцев текущим учётом был неполный. Наиболее значительная убыль была характерна для 1960–1974 гг., а максимального значения отрицательное сальдо миграции достигало в 1965 г. (14,6 тыс. человек).

В целом за период 1960–1991 гг. по сравнению с послевоенными годами, наряду со значительным возрастанием потоков переселенцев (рисунок 3), произошло увеличение числа территорий, с которыми Кировская область имела отрицательное сальдо миграции: к числу миграционных реципиентов добавилось несколько областей Центральной России, в первую очередь граничащих с Московским регионом (Калужская, Калининская, Ярославская), Татарская АССР, Саратовская область, нефтегазодобывающие области Западной Сибири (Тюменская с округами, Томская), Белоруссия и другие (таблица 3). В абсолютных величинах наибольшие потери населения в результате миграции были зафиксированы в обмене со Свердловской областью, Ленинградом и Москвой с областями (т. е. как и в период 1946–1959 гг.), соседними регионами (Марийской АССР, Пермской

областью), а также с благоприятными в климатическом отношении Краснодарским краем, Украиной, Крымом. Максимальные значения КРМС – в обмене с Ленинградским и Московским регионами. В миграционном обмене с союзными республиками, за исключением Белорусской ССР, Кировская область за период 1960–1991 гг. имела положительное миграционное сальдо. Для взаимодействия с Казахской и Узбекской ССР баланс миграции изменился на положительный для региона с 1970-х годов.

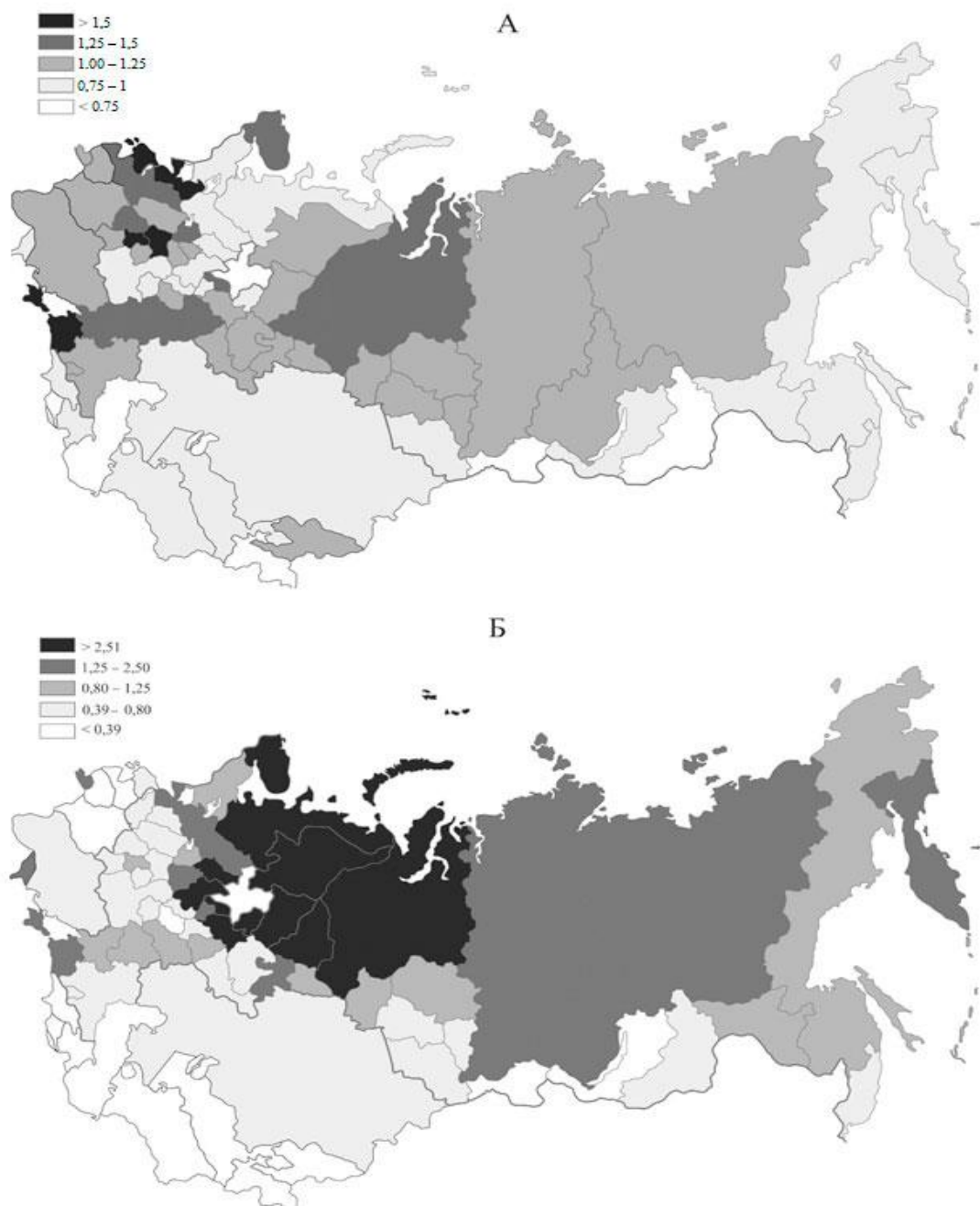

Рисунок 3. Коэффициенты результативности миграционного обмена (А) и интенсивности миграционных связей по выбытию из Кировской области (Б), 1960–1991

Источник: Расчёты автора по данным текущего учёта миграции.

В период 1960–1991 гг. география миграционных потоков из Кировской области в большей степени начинает напоминать современную. Для выходцев из региона-донора привлекательными становятся южные регионы европейской части страны с благоприятным климатом, а также столичные территории, миграция в которые в советский период сдерживалось административными мерами. Как и в более ранние годы, большое значение имели переселения в регионы с развитой и развивающийся промышленной базой – на Урал и в Западную Сибирь.

Таблица 3. Миграционные связи населения Кировской области с отдельными регионами СССР, 1960–1991

	Прибыло в Кировскую область из региона, чел.	Выбыло в регион из Кировской области, чел.	Сальдо миграции, чел.	КРМС	КИМС выб.
Марийская АССР	33823	49422	-15599	1,461	12,35
Коми АССР	46144	49666	-3522	1,076	8,55
Удмуртская АССР	60903	57380	3523	0,942	6,81
Пермская область	79318	89042	-9724	1,123	5,20
Свердловская область	80139	113587	-33448	1417	4,53
Архангельская область	33181	30770	2411	0,927	3,83
Костромская область	21158	17470	3688	0,826	3,56
Горьковская область	74239	68870	5369	0,928	3,29
Мурманская область	10359	14489	-4130	1,399	2,93
Тюменская область	24341	34764	-10423	1,428	2,88
Ленинград и Ленинградская область	24380	44580	-20200	1,829	1,39
Армянская ССР	2954	1755	1190	0,597	0,11
Всего	1246291	1414330	-168039	1,135	...

Примечание: Миграционные пространства ранжированы по значению КИМС выб.

Источник: Расчёты автора по данным текущего учёта миграции.

Произошли изменения в интенсивности выбытий из региона-донора по территориям СССР. Если в 1946–1959 гг. наиболее высокие значения КИМС по выбытию были характерны для перемещений в удалённые от региона-донора малонаселённые местности, то в 1960–1991 гг. самая высокая интенсивность выбытий выявлена для взаимодействия с соседними регионами. Кроме того, высокие КИМС по выбытию характерны для переселений в Свердловскую, Тюменскую, Мурманскую области.

Особенностью информационной базы позднего советского и постсоветского периода является возможность использовать для анализа внутренней миграции данные переписей населения. В программу переписи населения 1989 г. впервые за всё время с образования Кировской области был включён вопрос о месте рождения. Статус Кировской области в качестве миграционного донора подтверждается результатами последней советской переписи, согласно которым регион относился к числу территорий России с наибольшей численностью пожизненных мигрантов (таблицы 4 и 5). Среди десяти регионов РСФСР, лидирующих по данному показателю, в Кировской области доля пожизненных мигрантов в общей численности уроженцев региона самая высокая. Контингенты уроженцев Кировской области, проживающих в родном крае, и пожизненных мигрантов из данного региона-донора сопоставимы. Однако по доле пожизненных мигрантов среди уроженцев Кировскую область опережают регионы Дальнего Востока,

области, граничащие с московским и ленинградским регионами, а также явные миграционные доноры Курская, Орловская и Тамбовская области.

Определённые выводы можно сделать из сопоставления данных текущего учёта и результатов переписи населения. Так, число зарегистрированных прибытий в Кировскую область за 1960–1988 гг. составило 1155,8 тыс. человек, тогда как некоренное население региона согласно официальным итогам переписи на 12 января 1989 г. составляло 310,1 тыс. человек. Из этого следует, что либо значительная часть прибывавших в Кировскую область в прошлом выехали из неё (т. е. фактически миграция была возвратной), либо значительная часть выбывавших из региона ранее в него приехали.

В постсоветский период данные текущего учета стали хуже отражать объёмы и направления миграционных потоков. Это в первую очередь вызвано ослаблением режима прописки (регистрации), в результате чего текущий учёт перестал быть жестко связан с ограничением свободы проживания и передвижения граждан.

Таблица 4. Регионы РСФСР с максимальной численностью уроженцев, проживавших в других частях СССР (по переписи 1989 г.)

Ранг	Регионы с наибольшей численностью пожизненных мигрантов	Численность уроженцев региона, проживавших в нём, тыс. чел.	Численность пожизненных мигрантов, тыс. чел. в СССР (из них в РСФСР), тыс. чел.	Доля пожизненных мигрантов от численности уроженцев региона, %
1	Алтайский край без Горно-Алтайской АО	2086,5	1347,7 (885,5)	39,2
2	Башкирская АССР	3485,4	1299,4 (979,5)	27,2
3	Краснодарский край без Адыгейской АО	2956,7	1265,2 (902,3)	30,0
4	Воронежская область	2018,5	1161,1 (828,7)	36,5
5	Свердловская область	3164,8	1151,8 (847,7)	26,7
6	Горьковская область	3094,5	1137,8 (921,8)	26,9
7	Татарская АССР	3013,1	1126,3 (891,3)	27,2
8	Москва и Московская область	9351,4	1114,7 (744,4)	10,7
9	Красноярский край без Хакасской АО	1993,5	1106,1 (875,1)	35,7
10	Кировская область	1383,9 *	1074,9 (891,1)	43,7

* - В действительности численность уроженцев Кировской области, проживавших в «своём» регионе, составила 1339,9 тыс. человек, а доля пожизненных мигрантов – 44,5%, поскольку в постоянное население области по итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г. было перераспределено 44 тыс. жителей «закрытого» города Арзамас-16 Горьковской области (Тольц 2004; Кировская область... 1996).

Источник: Составлено по данным Всесоюзной переписи населения 1989 (Демоскоп Weekly 2020b).

В условиях социально-экономических и политических трансформаций, обусловленных распадом СССР, регион, много лет выступавший как миграционный донор, получил небывалый приток населения. Миграционный прирост достиг максимального значения в 1994 г., составив 6,7 тыс. человек. Полагаем, что заметная часть потока прибывших в течение 1990-х годов в Кировскую область была представлена лицами, составлявшими те значительные объёмы мигрантов, которые на протяжении десятилетий покидали регион-донор, а также их родственниками, т. е. миграция носила не только

стрессовый, но и во многом возвратный характер (Чернышев 2016). Это возможно, когда переселенцы сохраняли связи с регионом-донором, местными жителями, которые помогли бы в обустройстве.

Период накануне и после распада СССР был противоречив в миграционном отношении. Если в 1987–1997 и 1999 г. Кировская область имела миграционный прирост, то с 2000 г. регион возвращается к традиционному для себя статусу миграционного донора. Суммарно за 1992–2010 гг. Кировская область имела отрицательное сальдо миграции. Для региона в 1990-е и 2000-е годы была характерна потеря населения за счёт внутрироссийской миграции, но прирост за счёт обмена со странами ближнего зарубежья. В целом за 1992–2010 гг. на первое место по зарегистрированной миграционной убыли из Кировской области вышел Московский регион, опередив индустриальные регионы Урала и Западной Сибири, Санкт-Петербург с Ленинградской областью. Другими значимыми направлениями переселений из Кировской области стали соседние регионы (в первую очередь Нижегородская область, Татарстан, Марий Эл), области Центральной России, Краснодарский край.

Таблица 5. Регионы РСФСР с максимальной долей уроженцев, проживавших в других частях СССР (по переписи 1989 г.)

Ранг	Регионы с наибольшей численностью пожизненных мигрантов	Численность уроженцев региона, проживавших в нём, тыс. чел.	Численность пожизненных мигрантов, тыс. чел. в СССР (из них в РСФСР), тыс. чел.	Доля пожизненных мигрантов от численности уроженцев региона, %
1	Магаданская область без Чукотского АО	114,4	141,1 (97,4)	55,2
2	Смоленская область	893,0	903,1 (654,3)	50,3
3	Орловская область	736,5	699,1 (475,0)	48,7
4	Рязанская область	1082,3	1000,1 (887,2)	48,0
5	Псковская область	639,0	582,0 (422,4)	47,7
6	Курская область	1035,0	1030,5 (697,1)	47,6
7	Тамбовская область	1129,9	934,7 (776,2)	47,4
8	Сахалинская область	347,3	280,5 (211,6)	45,3
9	Камчатская область	177,3	139,3 (106,1)	44,7
10	Калининская область	1258,1	982,3 (815,9)	44,0
11	Кировская область	1383,9	1074,9 (891,1)	43,8

Примечание: Москва и Московская область, Ленинград и Ленинградская область рассматривались как единые регионы.

Источник: Составлено по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. (Демоскоп Weekly 2020b).

Поскольку основные волны переселенцев из региона-донора приходились на советский период, то численность уроженцев Кировской области, проживавших за её пределами в течение 1990-х и 2000-х годов, последовательно сокращалась по естественным причинам. Так, по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. численность пожизненных мигрантов из Кировской области составила 533,2 тыс. при численности кировчан, проживавших в регионе рождения 1114,7, тыс. Снижение численности пожизненных мигрантов из региона-донора обусловлено также отсутствием данных о месте рождения по странам нового зарубежья, а также тем, что 3,2% респондентов Всероссийской

переписи населения 2010 г. не указали территорию рождения (Всероссийская перепись населения 2010).

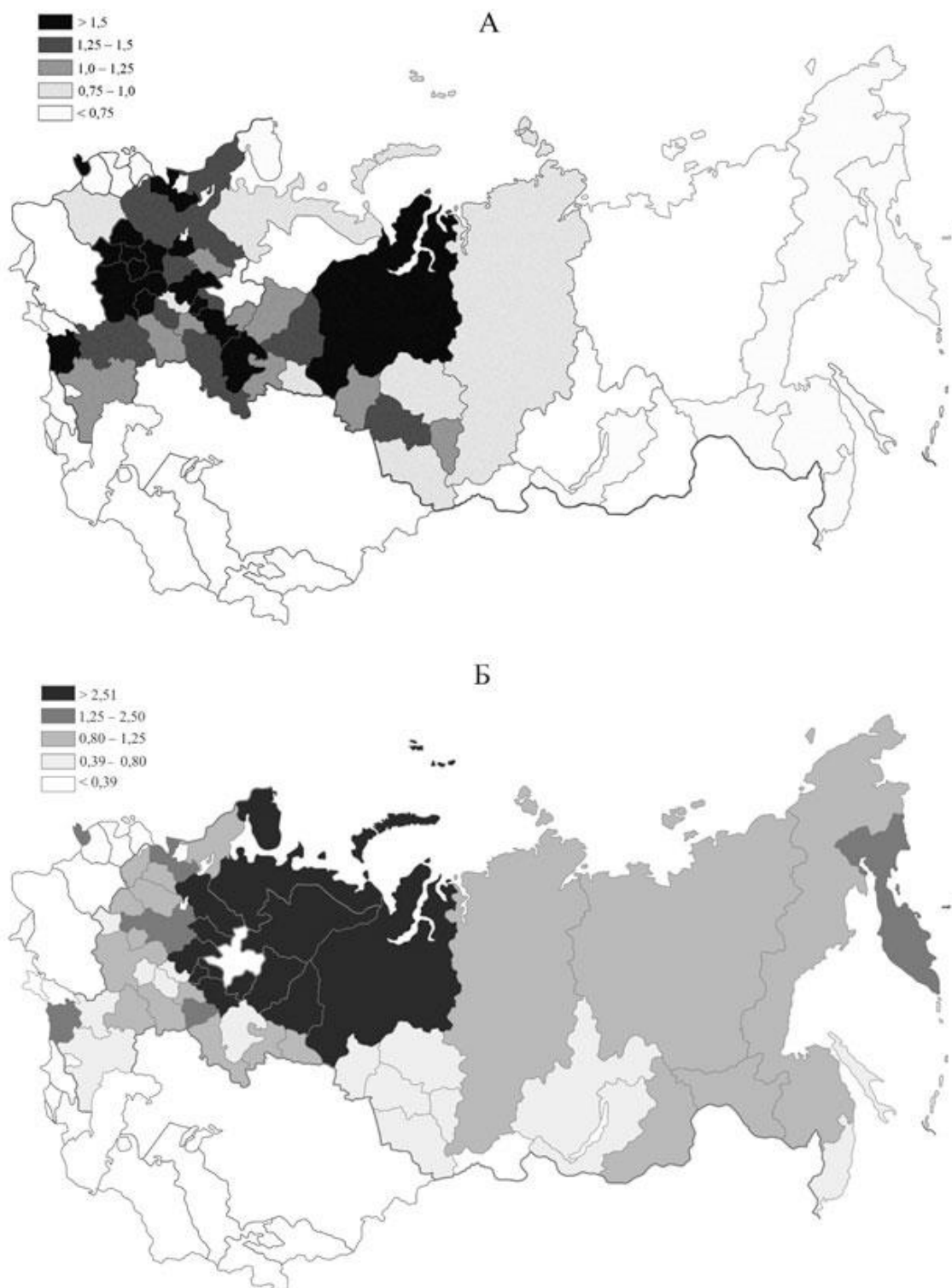

Рисунок 4. Коэффициенты результативности миграционного обмена (А) и интенсивности миграционных связей по выбытию из Кировской области (Б), 1992–2011

Источник: Расчёты автора по данным текущего учёта миграции.

Противоречивость постсоветского периода в развитии миграционных связей Кировской области проявилась в том, что, несмотря на статус региона как миграционного донора, имелось большое число территорий, в обмене с которыми сальдо миграции 1992–2010 гг. было положительным (рисунок 4). Это отмечалось во взаимодействии с Республикой Коми, которая стала главным внутрисоюзным миграционным донором для Кировской области в 1990–2000-е годы, а также с регионами Восточной Сибири и Дальнего Востока. Взаимодействие со всеми государствами нового зарубежья в целом за 1992–2010 гг. характеризовалось положительным для Кировской области миграционным балансом, наиболее значительным в обмене с Казахстаном и Украиной.

В постсоветский период миграционные связи с соседними территориями стали более интенсивными, чем в предыдущие периоды. Экстремально высокие значения КИМС по выбытию за 1992–2010 гг. характерны для взаимодействия с Марий Эл, Республикой Коми, Удмуртией (таблица 6). Высокие значения КИМС характерны для выбытий в остальные соседние регионы, а также в Тюменскую (с округами), Мурманскую, Свердловскую области, Чувашию. Наименее результативным для Кировской области за 1992–2010 гг. стал обмен с Московским, Санкт-Петербургским регионами, Краснодарским краем, т. е. основными миграционными реципиентами постсоветской России. Этому способствовало ослабление административных ограничений для внутренней миграции.

Таблица 6. Миграционные связи населения Кировской области с отдельными регионами РФ и странами бывшего СССР, 1992–2010

	Прибыло в Кировскую область из региона, чел.	Выбыло в регион из Кировской области, чел.	Сальдо миграции, чел.	КРМС	КИМС выб.
Республика Марий Эл	9442	13395	-3953	1,419	24,02
Республика Коми	17124	12212	4912	0,713	15,00
Удмуртская Республика	10961	12999	-2038	1,186	10,78
Костромская область	2463	3057	-594	1,241	5,42
Республика Татарстан	10300	15523	-5223	1,507	5,41
Нижегородская область	9426	11050	-1624	1,172	5,10
Тюменская область	7990	12166	-4176	1,523	4,84
Москва и Московская область	5294	17040	-11746	3,219	1,29
Казахстан	12861	2152	10709	0,167	0,17
Латвия	778	57	721	0,073	0,03
Всего	205677	220947	-15270	1,074	...

Примечание: Миграционные пространства ранжированы по значению КИМС выб.

Источник: Расчёты автора по данным текущего учёта миграции.

После Всероссийской переписи 2010 г. была осуществлена масштабная реформа текущего учета миграции, вследствие чего стало необходимым отдельное рассмотрение периода с 2011 по 2018 г. Произошло резкое увеличение регистрируемого миграционного оборота, но сохранились основные тенденции предыдущего периода миграционного развития региона-донора: убыль в результате межрегиональной миграции, прирост в обмене со странами ближнего зарубежья (таблица 7). Однако прирост за счёт международной миграции значительно сократился. Начиная с 2017 г. в обмене с государствами бывшего СССР даже регистрируется миграционная убыль, которая, вероятно, порождена автоматическим выбытием в обратном направлении (Мкртчян 2020).

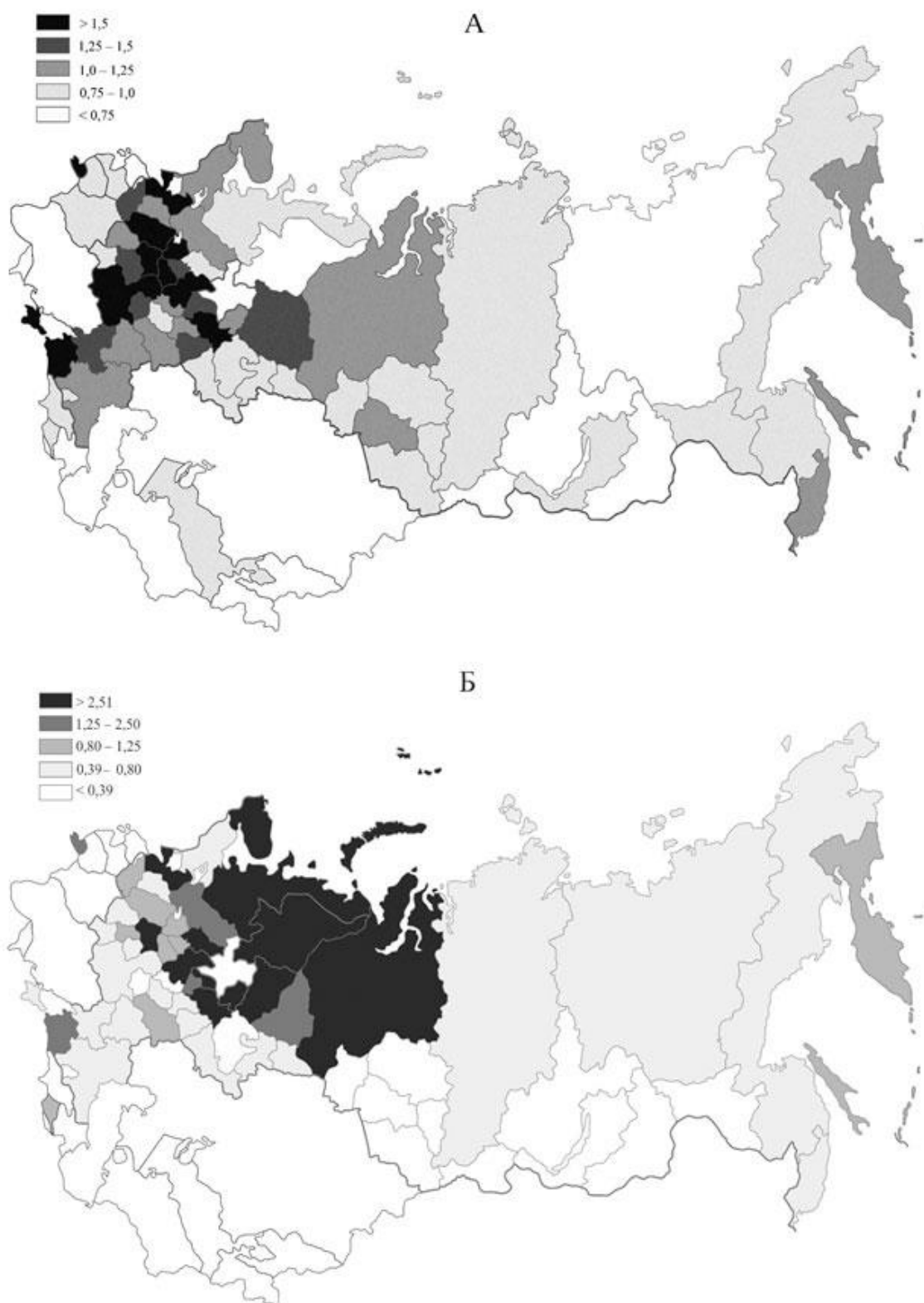

Рисунок 5. Коэффициенты результативности миграционного обмена (А) и интенсивности миграционных связей по выбытию из Кировской области (Б), 2011–2018

Источник: Расчёты автора по данным текущего учёта миграции.

Таблица 7. Миграционные связи населения Кировской области с отдельными регионами РФ и странами бывшего СССР, 2011–2018

	Прибыло в Кировскую область из региона, чел.	Выбыло в регион из Кировской области, чел.	Сальдо миграции, чел.	КРМС	КИМС выб.
Республика Марий Эл	6320	9408	-3088	1,489	24,81
Республика Коми	12583	8796	3787	0,699	15,89
Удмуртская Республика	5972	6819	-847	1,142	8,31
Санкт-Петербург и Ленинградская область	8214	16742	-8528	2,038	4,83
Республика Татарстан	5492	9254	-3762	1,685	4,74
Нижегородская область	5388	8711	-3323	1,617	4,72
Костромская область	1924	1735	189	0,902	4,53
Москва и Московская область	11456	24215	-12759	2,114	2,69
Крым и Севастополь	209	500	-291	2,392	0,39
Молдавия	511	261	250	0,511	0,13
Всего	116555	150288	-33733	1,289	...

Примечание: Миграционные пространства ранжированы по значению КИМС выб.

Источник: Расчёты автора по данным текущего учёта миграции.

Наибольшая миграционная убыль за 2011–2018 гг. зарегистрирована в обмене московским, петербургским регионами и Татарстаном, а наибольший миграционный прирост – во взаимодействии с Республикой Коми, а также Украиной, на востоке которой с 2014 г. идёт вооружённый конфликт (рисунок 5).

Интерес к переселению на Крымский полуостров после включения в состав России определил его лидирующее положение по значению КРМС, несмотря на то, что выделение крымских субъектов РФ в формах текущего миграционного учёта осуществляется только с 2015 г. Как и в предыдущий анализируемый период, отмечалась высокая интенсивность выбытия в соседние регионы. Кроме того, произошло увеличение значения КИМС по выбытию в столичные регионы и Краснодарский край, а интенсивность выбытия в Западную Сибирь и на Урал снизилась.

Выводы

Безвозвратная миграция как законченный вид территориального перемещения населения является одновременно демографическим и экономическим процессом. Соответственно категория «регион-донор» должна рассматриваться не только в экономическом, но и в демографическом смысле. Приведённые данные свидетельствуют, что Кировская область в течение нескольких десятилетий через миграционные процессы отдавала значительную часть своего демографического и трудоворесурсного потенциала другим регионам бывшего СССР, способствуя их социально-экономическому развитию, т. е. в миграционном отношении выступала как ярко выраженный регион-донор. В советские годы область считалась трудоизбыточной и имела заметное отрицательное сальдо миграции. После непродолжительного периода стрессового миграционного прироста, связанного с распадом СССР, с 2000 г. тенденция оттока населения из региона-донора продолжилась, но уже в условиях сильной депопуляции, которая отмечается в Кировской области с 1991 г.

Стабильный миграционный отток из региона вызван тем, что Кировская область никогда не относилась к числу территорий с высоким уровнем жизни. Следовательно, переселение в течение всего рассматриваемого периода отмечалось в регионы, более развитые в социально-экономическом отношении. Определённую роль с 1960-х годов стало играть стремление переселиться в местности с более благоприятными природно-климатическими условиями. Важное значение в формировании исходящих миграционных потоков, в особенности в советский период, имели потребности в трудовых ресурсах отраслей материального производства регионов вселения, а также приоритеты миграционной политики соответствующих лет. Роль государства в определении направлений миграционных потоков в долгосрочной перспективе имела тенденцию к уменьшению. Организованные формы миграции (сельскохозяйственные переселения, набор рабочей силы на предприятия и стройки, набор в систему государственных трудовых резервов и др.) имели большое значение в 1940–1960-е годы (Чернышева, Бровцин 2015). Жёсткое регулирование миграции в советский период также осуществлялось через институт прописки и наличие ограничений в паспортизации сельского населения, которые затрудняли самостоятельное переселение. По мере снятия этих барьеров возрастало значение нерегулируемой государством миграции. Это наглядно проявилось в постсоветские годы, например в усилении оттока в столичные центры.

Единственным источником информации о направлениях миграционных потоков, целиком охватывающим период с 1946 по 2018 г., являются данные текущего миграционного учёта, а поскольку его методология неоднократно менялась, то наиболее адекватной характеристикой межрегиональных миграционных связей в течение длительного отрезка времени с нашей точки зрения является расчёт КИМС и КРМС. По данным текущего учёта общее число зарегистрированных в 1946–2018 гг. выбытий составило 2136,5 тыс., а прибытий – 1881,1 тыс., чистая миграционная убыль – 255,4 тыс. человек. Однако по нашим оценкам отток населения из Кировской области, особенно в советский период, был значительно больше. Косвенно это подтверждается как данными переписей населения (в первую очередь переписи 1989 г.), так и соотношением изменения численности населения с данными естественного движения. Так, в период с 1946 по 1990 г. в регионе регистрировалось превышение рождаемости над смертностью, а среднегодовой естественный прирост населения за 1946–1959 гг. составлял 27,1 тыс. человек, а в 1960–1990 гг. – 7,6 тыс. (Демоскоп Weekly 2020d). Данные значения естественного прироста должны были бы перекрывать потери, зарегистрированные в результате текущего учёта миграции. Тем не менее численность населения региона стабильно сокращалась из-за недоучтённой миграции: в 1947 г. в области проживало 1955,4 тыс. человек, а по переписи 1989 г. – уже 1649,3 тыс.

Наиболее значимое отрицательное сальдо миграции в целом за 1946–2018 гг. зарегистрировано в обмене с Московским регионом, Свердловской областью и Санкт-Петербургом с Ленинградской областью. К числу крупных реципиентов в миграционном обмене с Кировской областью относятся также Марийская Республика, Краснодарский край (с Адыгеей), Пермский край, Тюменская область. Отток населения из региона-донора в обмене во все указанные территории, кроме Тюменской области, был стабильным, т. е. сохранялся все 4 рассматриваемых периода. Стабильные миграционные потери также

отмечались в обмене с некоторыми другими регионами: большинством территорий Урала, Западной Сибири, нижнего Поволжья, юга России, Калининградской областью, рядом областей Центральной России, близко расположенными к Московскому региону. В целом за 1946–2018 гг. наименее результативный миграционный обмен сложился у региона-донора со столичными московским и петербургским регионами, а также Краснодарским краем (с Адыгеей) и Крымом (с Севастополем).

Статус региона – миграционного донора допускает наличие прироста в обмене населением с отдельными территориями. В течение всех трёх выделяемых периодов миграционный прирост в Кировскую область был характерен для обмена с Дальним Востоком, Закавказьем, Забайкальем, Таджикистаном, Туркменией и Архангельской областью. В целом за 1946–2018 гг. Казахстан и Республика Коми стали главными миграционными донорами для Кировской области, соответственно, в международной (межреспубликанской) и внутрirosсийской миграции, при этом положительное сальдо миграционного баланса с данными территориями в 1990-е и 2000-е годы было столь значительным, что перекрыло миграционную убыль, сформировавшуюся в советский период. Минимальное значение КРМС (менее 0,7) за 1946–2018 гг. выявлено в обмене с республиками Закавказья, Туркменией, Таджикистаном.

Расчёты в целом за 1946–2018 гг. показывают, что наиболее высокая интенсивность миграционных связей по выбытию из Кировской области была характерна при взаимодействии с соседними территориями (особенно Республиками Коми и Марий Эл), а также регионами, куда активно переселялись кировчане – Мурманской, Свердловской, Тюменской, Калининградской областями, Камчаткой. В течение 1946–2018 гг. интенсивность выбытия в удалённые регионы снижалась, а в соседние территории возрастала. Несмотря на значительные объёмы переселений в московский и петербургский регионы, их многонаселённость обусловила не самые высокие расчётные значения КИМС в целом за 1946–2018 гг., хотя интенсивность связей с Санкт-Петербургом и Ленинградской областью во все рассматриваемые периоды была выше, чем с Москвой и Подмосковьем.

Данная работа позволила по имеющимся данным оценить объёмы миграционного оттока из Кировской области в исторической ретроспективе, а также достаточно подробно выявить направления переселений, интенсивность и результативность связей с регионами России и странами нового зарубежья. Выявить абсолютные значения миграционных потоков по каждому из направлений затруднительно, но для ретроспективного анализа полезно использование таких традиционных методов, как расчёт КИМС и КРМС.

ЛИТЕРАТУРА

- Абылкаликов С.И. (2016). Уроженцы стран бывшего СССР в структуре населения современной России. *Социологические исследования*, 4(384), 42–49.
- Абылкаликов С.И. (2018). *Роль миграции в формировании населения регионов России в конце XIX–XXI вв.* (Дисс. канд. соц. н.). М.: НИУ ВШЭ.
- Воробьев Н.В. (2001). *Региональная организация миграции населения в сибирских условиях*. Новосибирск: Наука.

- Воробьева О.Д., Топилин А.В., Гребенюк А.А., Лебедева Т.В. (2016). Анализ миграционных процессов по данным переписей населения в России. *Экономика региона*. 12(1), 175–188. DOI: <https://doi.org/10.17059/2016-1-13>
- Всероссийская перепись населения 2010 г.* (2010). Том 8. *Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства*. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (данные загружены 12.08.2020).
- Демоскоп Weekly (2020а). Приложение. *Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц по полу*. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=3> (данные загружены 01.08.2020).
- Демоскоп Weekly (2020b). Приложение. *Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение населения республик СССР и их регионов по месту рождения*. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_pob_89.php (данные загружены 01.08.2020).
- Демоскоп Weekly (2020с). Приложение. Демографические показатели по 15 новым независимым государствам. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_pop.php (данные загружены 01.08.2020).
- Демоскоп Weekly (2020d). Приложение. *Естественное движение населения регионов РСФСР, 1937–1990 гг.* URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php?year=1937 (данные загружены 01.08.2020).
- Карачурина Л.Б. (1999). *Географический анализ интенсивности миграционных связей России и ее регионов с республиками Ближнего Зарубежья (1969–1997 гг.)* (Дисс. к. г. н.). М.: МГУ им. М.В. Ломоносова.
- Кашницкий И.С. (2017). Влияние изменений в правилах учета миграции в 2011 г. на оценку интенсивности миграции молодежи: когортно-компонентный анализ. *Демографическое обозрение*, 4(1), 83–97. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i1.6989>
- Кировская область в 1995 году* (1996). Часть II. Киров: Киров обл. ком. гос. стат.
- Мкртчян Н.В. (1997). *Изменение межрайонных миграционных связей в современной России и ее регионах* (Дисс. канд. геогр. н.). М.: МПГУ.
- Мкртчян Н.В. (2003) Из России в Россию: откуда и куда едут внутренние мигранты. *Мир России*, 2, 151–164.
- Мкртчян Н.В. (2020). Проблемы в статистике внутривососсийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. *Демографическое обозрение*, 7(1), 83–99. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10821>
- Моисеенко В.М. (1997) Миграция населения в переписях России и СССР. *Вопросы статистики*, 4, 30–37.
- Моисеенко В.М. (2002). Источники данных о миграции населения в России: эволюция и перспективы. *Вопросы статистики*, 6, 33–40.
- Москвин Д.Д. (1991). *Население СССР: вопросы миграции (экономико-статистический обзор тенденций 60-х–80-х годов)*. М.: Наука.
- Население России в XX веке: исторические очерки* (2001). Т. 2. 1940–1959 М.: РОССПЭН.
- Переведенцев В.И. (1975). *Методы изучения миграции населения*. М.: Наука.

- Полян П.М. (2001). *Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР*. М.: ОГИ.
- Росстат (2020). *Единая межведомственная информационно-статистическая система. Численность постоянного населения на 1 января*. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31557.do>
- Рыбаковский Л.Л. (1973). *Региональный анализ миграций*. М.: Статистика.
- Рыбаковский О.Л. (2008). *Миграция между регионами: проблемы методологии и методики анализа*. М.: Экон-Информ.
- Рыбаковский О.Л., Судоплатова В.С. (2015). Постоянная миграция населения российских регионов. *Народонаселение*, 3, 4–14.
- Рязанцев С.В. (2005). Внутрirosсийская миграция населения: тенденции и социально-экономические последствия. *Вопросы экономики*, 7, 37–49. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2005-7-37-49>
- Тарасова Н.В. (2004). *Современные межрегиональные миграционные связи внутри России: ситуация и прогноз*. М.: ИСПИ РАН.
- Тольц М. (2004). Тайны советской демографии. *Демоскоп Weekly*, 170–171. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0171/analit06.php>
- Успенская Т.Н. (2007). *Демографическое развитие северных районов Уральского федерального округа* (Дисс. д-ра экон. наук.). М.: ИСПИ РАН.
- Хомра А.У. (1979). *Миграция населения: вопросы теории, методики исследования*. Киев: Наук. думка.
- Чернышев К.А. (2016). Миграции населения депрессивного региона. *Народонаселение*, 1(1), 52–63.
- Чернышев К.А. (2017). Исследование постоянной миграции населения депрессивных регионов России. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 10(4), 259–273. DOI: <https://10.15838/esc/2017.4.52.15>
- Чернышева Н.В. (2012). *Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны*. Киров: ВятГГУ.
- Чернышева Н.В. (2017). Советская переселенческая политика и ее реализация в 1945–1953 гг. (на материалах Кировской области). *Новейшая история России*, 1(18), 128–140. URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/6299/1/08-Chernysheva.pdf>
- Чернышева Н.В., Бровцин А.В. (2015). *Трудовые миграции населения Кировской области в 1945–1967 годы*. Киров: Радуга-ПРЕСС.
- Чудиновских О.С. (2004). Причины и последствия кризиса российской миграционной статистики. *Отечественные записки*, 4. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/4/prichiny-i-posledstviya-krizisa-rossiyskoy-migracionnoy-statistiki>
- Andersson G., Drefahl S. (2017). *Long-Distance Migration and Mortality in Sweden: Testing the Salmon Bias and Healthy Migrant Hypotheses*. *Population, Space and Place*, 23(4). DOI: <https://doi.org/10.1002/psp.2032>
- Bell M., Charles-Edwards E., Kupiszewska D., Zhu Yu. (2015). Internal migration data around the world: Assessing contemporary practice. *Population, Space and Place*, 21(1), 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1002/psp.1848>

- Karachurina L.B., Ivanova K.A. (2019). Migration of the Elderly Population in Russia (According to the 2010 Population Census). *Regional Research of Russia*, 9(2), 164–172. DOI: <https://doi.org/10.1134/S2079970519020059>
- Kashnitsky I.S., Mkrtychyan N.V., Leshukov O.V. (2016). Interregional Migration of Youths in Russia: A Comprehensive Analysis of Demographic Statistics. *Educational studies*, 13(3), 169–203. DOI: [10.17323/1814-9545-2016-3-169-203](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-3-169-203)
- Lyalina A. (2015). Intensity of the Kaliningrad Region’s Migration Links with Russian Territories and Former Soviet Republics in 1992–2013. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 6(6), 181–189. DOI: <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n6s7p181>
- Mkrtychyan N., Vakulenko E. (2019). Interregional migration in Russia at different stages of the life cycle. *GeoJournal*, 84(6), 1549–1565. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10708-018-9937-5>
- Mkrtychyan N.V. (2011). Population dynamics of Russia’s regions and the role of migration: Critical assessment based on the 2002 and 2010 censuses. *Regional Research of Russia*, 1(3), 228–239. DOI: <https://doi.org/10.1134/S2079970511030087>
- Poston D.L.Jr., Bouvier L.F. (2016). *Population and Society: An Introduction to Demography*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781107337237>
- Rees Ph., Bell M., Kupiszewski M., Kupiszewska D., Ueffing Ph., Bernard A., Charles-Edwards E., Stillwell J. (2016). The Impact of Internal Migration on Population Redistribution: an International Comparison. *Population, Space and Place*, 23(6), 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1002/psp.2036>
- Sander N. (2014). Internal Migration in Germany, 1995-2010: New Insights into East-West Migration and Re-urbanisation. *Comparative Population Studies*, 39(2), 217-246. DOI: [10.12765/CPoS-2014-04en](https://doi.org/10.12765/CPoS-2014-04en)

A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF MIGRATION LINKS OF A DONOR REGION

KONSTANTIN CHERNYSHEV

This article evaluates the migration links of a donor region using the example of the Kirov region, one of the largest migration donors in Russia for the maximum possible period of time in 1946–2018. The forms of the current registration of migration, which reflect the movement of the population in the territories of arrival and departure, are the only sources of data on the territorial structure of internal interregional and international permanent migration in Russia covering the entire period studied. The problem of multiple changes in the boundaries of territories where arrivals and departures are recorded became a significant limitation for the implementation of a retrospective analysis of migration. Migration ties of the donor region are considered in exchange with 60 enlarged regions on the territory of Russia, the borders of which mainly correspond to the borders of modern constituent entities of the Russian Federation and 14 areas in the near abroad. Multiple revisions of the procedure for registering migrants made the data on the number of resettlements incomparable over time. As a result, for a retrospective analysis of the inter-territorial migration links of the donor region one has to resort to calculating the efficiency coefficients of migration exchange and the coefficients of the intensity of migration links. This makes it possible to assess, for each period, the intensity and effectiveness of migration links between the Kirov region and the regions of Russia and the countries of the former USSR. Residents of the Kirov region moved most intensively to the neighboring republics of Komi and Mari El, as well as to the Murmansk, Sverdlovsk, Tyumen, Kaliningrad regions, and to Kamchatka. The least effective exchange for the donor region was with the Moscow and St. Petersburg regions, Krasnodar territory and Crimea.

Key words: region-migration donor, registration of migrants, intensity of migration ties, out-migration flow, Kirov Oblast.

KONSTANTIN CHERNYSHEV (kochern@rambler.ru), INSTITUTE FOR DEMOGRAPHIC RESEARCH FCTAS RAS, RUSSIA.

THE MAIN RESULTS OF THIS RESEARCH WERE PRESENTED AT THE XXI APRIL INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE OF THE HSE IN 2020.

DATE RECEIVED : SEPTEMBER 2020.

REFERENCES

- Abylkalikov S.I. (2016). Urozhency stran byvshego SSSR v strukture naselenija sovremennoj Rossii [Natives of the countries of the former USSR in the structure of the population of modern Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 4 (384), 42–49. (In Russ.).
- Abylkalikov S.I. (2018). *Rol migratsii v formirovanii naseleniya regionov Rossii v kontse XIX–XXI vv.* [The role of migration in the formation of the population of Russian regions at the end of the 19th–21st centuries] (Cand. dissertation). Moscow: NRU HSE. (In Russ.).
- Andersson G., Drefahl S. (2017). Long-Distance Migration and Mortality in Sweden: Testing the Salmon Bias and Healthy Migrant Hypotheses. *Population, Space and Place*, 23(4). DOI: <https://doi.org/10.1002/psp.2032>
- Bell M., Charles-Edwards E., Kupiszewska D., Zhu Yu. (2015). Internal migration data around the world: Assessing contemporary practice. *Population, Space and Place*, 21(1), 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1002/psp.1848>

- Chernyshev K.A. (2016). Migracii naselenija depressivnogo regiona [Population migration in depressed region]. *Narodonaselenie*, 1(1), 52–63. (In Russ.).
- Chernyshev K.A. (2017). The study of permanent migration of economically depressed regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 10(4), 259–273. DOI: <https://10.15838/esc/2017.4.52.15>
- Chernysheva N.V. (2012). *Socialno-demograficheskie processy v Kirovskoj oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Socio-demographic Processes in the Kirov Region during the Great Patriotic War]. Kirov: VSHU. (In Russ.).
- Chernysheva N.V. (2017). The Soviet Resettlement Policy and its Implementation in 1945–1953 (on the Materials of Kirov Region) [Sovetskaja pereselencheskaja politika i ee realizacija v 1945–1953 gg. (na materialah Kirovskoj oblasti)]. *Noveishaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia]. (In Russ.), 1, 128–140. URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/6299/1/08-Chernysheva.pdf>
- Chernysheva N.V., Brovtsin A.V. (2015). *Trudovye migracii naselenija Kirovskoj oblasti v 1945–1967 gody* [Labor migration of the population of the Kirov region in 1945-1967]. Kirov: Raduga-PRESS. (In Russ.).
- Chudinovskih O.S. (2004). Prichiny i posledstviya krizisa rossijskoj migracionnoj statistiki [Prichiny i posledstviya krizisa rossijskoj migracionnoj statistiki]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland], 4. (In Russ.). Retrieved from <http://www.strana-oz.ru/2004/4/prichiny-i-posledstviya-krizisa-rossiyskoy-migracionnoj-statistiki>
- Demoscope Weekly (2020). Prilozheniye. *Vsesojuznaja perepis naselenija 1989 goda. Raspredelenie naselenija respublik SSSR i ih regionov po mestu rozhdenija* [All-Union Population Census 1989. Distribution of the population of the republics of the USSR and their regions by place of birth]. (In Russ.). Retrieved from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_pob_89.php (data downloaded on 01.08.2020).
- Demoscope Weekly (2020a). Prilozheniye. *Vsesojuznaja perepis naselenija 1959 g. Chislennost naselenija SSSR, RSFSR i ee territorialnyh edinic po polu* [All-Union Population Census 1959 Population of the USSR, RSFSR and its territorial units by sex]. (In Russ.). Retrieved from: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=3> (data downloaded on 01.08.2020).
- Demoscope Weekly (2020c). Prilozheniye. *Demograficheskie pokazateli po 15 novym nezavisimym gosudarstvam* [Demographic indicators for 15 newly independent states]. (In Russ.). Retrieved from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_pop.php (data downloaded on 01.08.2020).
- Demoscope Weekly (2020d). Prilozheniye. *Estestvennoe dvizhenie naselenija regionov RSFSR, 1937–1990 gg.* [Natural movement of the population of the regions of the RSFSR, 1937–1990]. (In Russ.). Retrieved from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php?year=1937 (data downloaded on 01.08.2020).
- Homra A.U. (1979). *Migracija naselenija: voprosy teorii, metodiki issledovanija* [Population migration: theoretical questions, research methods]. Kiev: Nauk. dumka. (In Russ.).
- Karachurina L.B. (1999). *Geograficheskij analiz intensivnosti migracionnyh svyazej Rossii i ee regionov s respublikami Blizhnego Zarubezh'ja (1969–1997 gg.)* [Geographical analysis of the intensity of migration ties between Russia and its regions with the republics of the Near Abroad (1969–1997)] (Cand. dissertation). Moscow: MSU. (In Russ.).

- Karachurina L.B., Ivanova K.A. (2019). Migration of the Elderly Population in Russia (According to the 2010 Population Census). *Regional Research of Russia*, 9(2), 164–172. DOI: <https://doi.org/10.1134/S2079970519020059>
- Kashnitsky I.S. (2017). Vliyanie izmenenij v pravilah ucheta migracii v 2011 g. na ocenku intensivnosti migracii molodjozhi: kogortno-komponentnyj analiz [The Effect of the 2011 Statistics Reform on the Estimations of Youth Migration Intensity: a Cohort-Component Analysis]. *Demographic Review*, 4(1), 83–97. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i1.6989>
- Kashnitsky I.S., Mkrtychyan N.V., Leshukov O.V. (2016). Interregional Migration of Youths in Russia: A Comprehensive Analysis of Demographic Statistics. *Educational studies*, 13(3), 169–203. DOI: [10.17323/1814-9545-2016-3-169-203](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-3-169-203)
- Kirovskaja oblast v 1995 godu [Kirov region in 1995]* (1996). Part II Kirov: Kirov Oblast Committee of State Statistics. (In Russ.).
- Lyalina A. (2015). Intensity of the Kaliningrad Region's Migration Links with Russian Territories and Former Soviet Republics in 1992–2013. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 6(6), 181–189. DOI: <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n6s7p181>
- Mkrtychyan N.V. (1997). *Izmenenie mezhrayonnyh migracionnyh svyazej v sovremennoj Rossii i ee regionah* [Change of interregional migration relations in modern Russia and its regions]. (Cand. dissertation). M.: MSPU. (In Russ.).
- Mkrtychyan N.V. (2020). Problemy v statistike vnutrirossijskoj migracii, porozhdennye izmenenijem metodiki ucheta v 2011 g. [Problems in the statistics of internal Russian migration caused by the change in the accounting methods in 2011]. *Demographic Review*, 7(1), 83–99. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10821>
- Mkrtychyan N., Vakulenko E. (2019). Interregional migration in Russia at different stages of the life cycle. *GeoJournal*, 84(6), 1549–1565. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10708-018-9937-5>
- Mkrtychyan N.V. (2003). Iz Rossii v Rossiju: otkuda i kuda edut vnutrennie migranty [From Russia to Russia: where and where do internal migrants go]. *Mir Rossii*, 2, 151–164. (In Russ.).
- Mkrtychyan N.V. (2011). Population dynamics of Russia's regions and the role of migration: Critical assessment based on the 2002 and 2010 censuses. *Regional Research of Russia*, 1(3), 228–239. DOI: <https://doi.org/10.1134/S2079970511030087>
- Moiseenko V.M. (1997). Migracija naselenija v perepisjah Rossii i SSSR [Population migration in the Russian and Soviet censuses]. *Voprosy statistiki*, 4, 30–37. (In Russ.).
- Moiseenko V.M. (2002). Istochniki dannyh o migracii naselenija v Rossii: jevoljucija i perspektivy [Sources of data on population migration in Russia: evolution and prospects]. *Voprosy statistiki*, 6, 33–40. (In Russ.).
- Moskvin D.D. (1991). *Naselenie SSSR: voprosy migratsii (ekonomiko-statisticheskii obzor tendentsii 60-kh-80-kh godov)* [The population of the USSR: migration issues (economic and statistical review of trends of the 60s–80s)], Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Naselenie Rossii v XX veke: istoricheskie ocherki* [The population of Russia in the XX century: historical essays] (2001). Vol. 2. 1940–1959. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.).
- Perevedentsev V. I. (1975). *Metody izuchenija migracii naselenija* [Methods of studying population migration]. Moscow: Nauka. (In Russ.).

- Polyan P.M. (2001). *Ne po svoei vole... Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsii v SSSR* [Not voluntarily ... History and geography of forced migrations in the USSR]. Moscow: OGI.
- Poston D.L.Jr., Bouvier L.F. (2016). *Population and Society: An Introduction to Demography*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781107337237>
- Rees Ph., Bell M., Kupiszewski M., Kupiszewska D., Ueffing Ph., Bernard A., Charles-Edwards E., Stillwell J. (2016). The Impact of Internal Migration on Population Redistribution: an International Comparison. *Population, Space and Place*, 23(6), 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1002/psp.2036>
- Rosstat (2020). *Edinaja mezhvedomstvennaja informacionno-statisticheskaja sistema. Chislennost postojannogo naselenija na 1 janvarja* [Unified interdepartmental information and statistical system. Resident population as of January 1]. (In Russ.). Retrieved from: <https://fedstat.ru/indicator/31557.do>
- Ryazantsev S.V. (2005). Vnutrirossijskaja migracija naselenija: tendencii i social'no-ekonomicheskie posledstvija [Intra-Russian population migration: trends and socio-economic consequences]. *Voprosy ekonomiki*, 7, 37–49. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2005-7-37-49>
- Rybakovskij O.L. (2008). *Migracija mezhdu regionami: problemy metodologii i metodiki analiza* [Migration between regions: problems of methodology and methods of analysis]. Moscow: Econ-Inform. (In Russ.).
- Rybakovsky L.L. (1973). *Regionalnyj analiz migracij* [Regional analysis of migration]. Moscow: Statistika. (In Russ.).
- Rybakovsky O.L. Sudoplatova V.S. (2015). Postojannaja migracija naselenija rossijskikh regionov [Constant migration of population in Russian regions]. *Narodonaselenie*, 3, 4–14. (In Russ.).
- Sander N. (2014). Internal Migration in Germany, 1995-2010: New Insights into East-West Migration and Re-urbanisation. *Comparative Population Studies*, 39(2), 217-246. doi:10.12765/CPoS-2014-04en
- Tarasova N.V. (2004). *Sovremennye mezhregional'nye migracionnye svjazi vntri Rossii: situacija i prognoz* [Modern interregional migration relations within Russia: the situation and forecast]. Moscow: ISPR RAS. (In Russ.).
- Tolts M. (2004). Tajny sovetskoj demografii. *Demoskop Weekly*, 170-171. (In Russ.). Retrieved from <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0171/analit06.php>
- Uspenskaja T.N. (2007). *Demograficheskoe razvitie severnyh rajonov Uralskogo federalnogo okruga* [Demographic development of the northern regions of the Ural Federal District] (Doctoral dissertation). Moscow: ISPI RAN. (In Russ.).
- Vorobev N.V. (2001). *Regionalnaya organizatsiya migratsii naseleniya v sibirskikh usloviyakh* [Regional organization of population migration in Siberian conditions]. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Vorobieva O.D., Topilin A.V., Grebenyuk A.A. Lebedeva T.V. (2016). Analiz migracionnyh processov po dannym perepisej naselenija v Rossii [The Analysis of Migration Processes in Russia According to the Census]. *Ekonomika regiona*, 12(1), 175–188. (In Russ.). DOI: 10.17059/2016-1-13
- Vserossijskaja perepis naselenija 2010 g. (2010). *Tom 8. Prodolzhitel'nost prozhivanija naselenija v meste postojannogo zhitelstva* [All-Russian population census 2010 Volume 8. Duration of residence of the population in the place of permanent residence]. (In Russ.).

Retrieved from: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
(data downloaded on 12.08.2020).